

Екатерина ДЕГАЛЬЦЕВА

КОНЦЕПТ «ЧУЖОЙ» В ПРАКТИКАХ ЭКСТРЕМИЗМА

В статье автор рассматривает субкультурные и психологические аспекты экстремизма. Представлена классификация моделей «чужого», которая основана на анализе деятельности ультраправых и ультралевых организаций. In the article the author considers subcultural and psychological aspects of extremism. The classification of «alien» models, which is based on the analysis of activities of ultrarightist and ultraleftist organizations, is presented in the article.

Ключевые слова:

экстремизм, «чужой», молодежная политика, субкультура, системный подход; *extremism, «alien», youth policy, subculture, system approach.*

Публикации последних лет акцентируют внимание на изменении общественной активности (включая сетевую) в целом и протестного потенциала в частности на причинах не реализации политических установок, особенностях национальной политической культуры, активации молодежного экстремизма и др.¹ Исследователи указывают на недостаточное внимание государства к указанным проблемам, его инертность по отношению к другим политическим акторам². Однако они несколько преувеличивают роль институтов гражданского общества в противодействии экстремизму в нашей стране, не разводят понятия экстремизма и терроризма. Они же условно соотносят между собой как направленность и методы деятельности. Экстремизм является направленностью радикальной политической деятельности, ее вектором и рассматривается нами как характеристика и одна из форм политического сознания организованных структур, а терроризм выступает одним из методов устранения политических противников. Однако при этом чаще всего субъектами террористических действий выступают экстремистские организации или их отдельные члены.

Сегодня многие авторы, анализируя противоречивые политические процессы в России, заявляют о признаках инерции общественного сознания наряду с его радикализацией³. Эти крайности рассекают то национальное единство, к которому призывал президент в последнем обращении к Федеральному собранию (12.12.12), самыми разными «линиями разломов» (по выражению С. Хантингтона). Их объединяющим вектором становится концепт «чужого», анализ которого помогает прояснению культурных и субкультурных основ экстремизма.

Неизбежная политизация термина «экстремизм» является оборотной стороной кажущейся на первый взгляд его концептуальной пустоты: за этим словом скрывается лишь форма, а не суть. Но здесь-то и важно увидеть второй — культурный — аспект политизации: экстремальным может быть все, что имеет свои границы. Соответственно, в политике концепт экстремизма важен именно как

ДЕГАЛЬЦЕВА

Екатерина
Александровна —
д.и.н., профессор
Бийского
технологического
института
katerina3310@
yandex.ru

¹ См.: Реутов Е. Потенциал общественного активизма в региональном социуме // Власть, 2012, № 10, с. 129–133; Ефанова Е. Молодежный экстремизм как форма политического протеста // Власть, 2011, № 8, с. 30–35, и др.

² См.: Маркин В., Роговая А. Противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде // Власть, 2012, № 11, с. 142–146; № 12, с. 114–118.

³ См.: Фомин О. Политическая культура как фактор политического процесса // <http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2012/03/Fomin.pdf>; Дорожкин Ю. Актуальные проблемы модернизации политической системы России // Власть, 2012, № 10, с. 10–14, и др.

одно из самых точных указаний на то, где пролегают границы нашего политического порядка, за которыми начинается нечто, угрожающее его основам. Экстремизм — это своего рода социальный индикатор: если бы не он, мы могли бы и не знать, где находится эта граница, сколь бы условной и мобильной она ни была. Пересечение этих границ во многом связано с субкультурным конфликтом. Однако определенные экстремизма часто зависят от нашего понимания смысла этой воображаемой границы между различными культурами и субкультурами, хаосом и порядком, стабильностью и нестабильностью, разрешенным и запрещенным¹.

Молодежь как открытая саморазвивающаяся система является главным политическим ресурсом экстремизма. Политическое участие молодежи выступает как ориентированное на коллективные цели социальное поведение, которое осуществляется в комплексной взаимосвязи между институциональными структурами, конкретными политическими событиями, групповой принадлежностью и индивидуальными качествами. Для конкретизации этого положения автором была предпринята характеристика экстремистских настроений в молодежных объединениях. В их основе лежит мобилизационная форма политического участия — поведенческие практики, складывающиеся под влиянием внешних факторов, зависимых от стратегий политического режима, доминирующих стереотипов участия молодежи в политике.

Субкультурная (даже не политическая или религиозная) идентичность становится одним из существенных моментов молодежного экстремизма. Субкультура задает ценностные и поведенческие установки, которые влияют на конструирование политической (ксенофобной или толерантной) картины мира. В этом контексте можно говорить о большей или меньшей нормативно предписанной склонности разных субкультур к проявлениям ксенофобии, принятию любых других идентичностей или жесткому разделению на «своих» и «чужих». Однако экстремизм нельзя выводить из некой сущности, будь то расизм, нищета, социальная несправедливость или нерешенность какого-то

конкретного политического конфликта. Это делает экстремизм политическим явлением в важном смысле: если политизироваться (т.е. стать предметом политических отношений) может практически любой вопрос, то и радикализироваться, соответственно, может любое требование, акция, призыв. Радикализироваться и вместе с тем политизироваться может и наше восприятие, что было продемонстрировано на недавней выставке братьев Чепмен в Эрмитаже. Если искусство ограничивать рамками нормы, тогда выход за эти границы может вызвать подозрение в «разжигании религиозной ненависти и вражды».

Субкультурный конфликт подспудно лежит в основе и многочисленных дискуссий о мультикультурализме, который может описывать разные модели, в т.ч. и политических взаимоотношений — «плавильного котла, автоматически переваривающего группы самого разного происхождения, или калейдоскопа, при любом раскладе сохраняющего индивидуальность каждого из фрагментов социума»². Таким образом, субкультура выделяет известную группу людей, отгораживает их от других и позволяет им теснее сплотиться на основе общих идеалов, целей, атрибутики и ритуалов. В условиях значительного социального и культурного расслоения современного российского общества, растущей мобильности, интенсификации обменов и контактов обостряются конфликты между представителями различных социальных групп, носителями различных субкультур. Многочисленные конфликты, прежде всего между молодыми людьми и представителями других социальных групп, приобретают субкультурную окраску. Об этом свидетельствуют факты быстрого распространения среди молодежи криминальной субкультуры. Развитие государства Запады столкнулись с проблемой субкультурных конфликтов еще в 60-х гг. прошлого века³.

Проведенные рядом зарубежных и отечественных авторов исследования привели их к выводу о том, что на развитие

² См.: Макарычев А. Безопасность и возвращение политического: критические дебаты в Европе // Индекс безопасности, 2008, № 4(87), т. 14, с. 26; <http://www.pircenter.org/data/publications/sirus4-08/Makarychev.pdf> (дата обращения 23.01.2012).

³ См.: Ростокинский А.В. Современный экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы квалификации и противодействия. — Саратов : Научная книга, 2007, с. 135.

¹ Жижек С. Интерпассивность. — СПб.: Алетейя, 2005, с. 136.

субкультурных конфликтов существенно не влияет ни господствующий способ производства, ни политический строй того или иного общества¹. Не случайно рубеж 1960-х–70-х гг., характеризовавшийся массовыми молодежными бунтами и ростом терроризма в странах Запада, в СССР также был отмечен совершением преступлений террористической направленности, распространением «неустановленных» отношений в вооруженных силах и движением диссидентов и хиппи, первыми массовыми акциями поклонников рок-музыки в Москве и Ленинграде².

В качестве иллюстрации экстремистских настроений среди членов политических и субкультурных объединений молодежи можно предложить несколько моделей «чужого», которые выделены на основании анализа деятельности ультраправых и ультралевых организаций. Политический конструкт «чужого» является основополагающим для характеристики крайних взглядов, поэтому классификация моделей «чужого» опирается на сущность идейно-политических взглядов участников экстремистских организаций. Она воспроизводит и модели «чужого», присущие политической власти в целом.

1. Ксенофобская модель воссоздает отношение к представителям других взглядов (противоположных) как к угрозе для группы (общества, государства). В основе — страх угрозы («бал сатаны на обломках России»). Чужая идеология наделяется всеми возможными отрицательными свойствами: «гнилая», «продажная», «преступная», «несправедливая» и др. Эта модель часто используется политиками для манипуляций с идентичностями. Например, советская власть активно культивировала идеологическую идентичность, называемую «советский народ», «советский человек», которая была призвана вытеснить национальную и культурную идентичность. Страх по отношению к «чужому» целенаправленно внедрялся применительно к империалистическому Западу и внутренним инако-

мыслящим. Самым тяжелым обвинением в советское время были понятия: «не наш человек», «враг народа». В современной России власть предлагает народу туманную идентичность «россияне», но при этом постоянно играет на его ксенофобских инстинктах. Представители власти постоянно заявляют о «врагах» нашего государства: Америке, Грузии, оппозиции и др. Страх был концептуализирован в форме понятий. В современной России в оборот запущена классическая терминология: «наши», «местные», «мы» (кремлевские проекты молодежных движений). Современный русский экстремизм строит свою групповую идентичность исключительно на antagonистической основе — на противостоянии и ненависти к «предателям» и «врагам» («против кого дружим?»)³. Эта всеобъединяющая эмоция затмевает от участников самых разных экстремистских организаций явные нестыковки в их собственных целях и устремлениях.

2. Мифологическая (фантастическая) модель чужого мира/системы как аномалии. Вообще мифологический образ мысли — это нечто способное к активному и гибкому сопротивлению инокультурным влияниям и подчинению их своим интересам. Как считает М.К. Петров, мифология — это универсальный тип мировоззрения для традиционалистских обществ, где существуют свои особые представления о способах записи и хранения знания как общественной ценности, а также о механизмах его пополнения и обновления⁴. Сегодня мы видим, что до сих пор живы представления, «которые связаны с признанием за властью магических прерогатив или же с готовностью отречения в ее пользу от многих гражданских прав, с возвеличиванием “сильной” власти»⁵. По утверждению С. Орлова и Д. Чернышкова, мифологема «Сталин» с ее крайностями (герой и антигерой) до сих пор прочно присутствует в общественном сознании⁶.

³ Ярким примером выступают расправы скинхедов с «предателями».

⁴ Петров М.К. Научно-техническая революция и миф // Вопросы философии, 1994, № 2, с. 121.

⁵ Бессмертный Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // Одиссей. Человек в истории. — М.: Наука, 1995, с. 17.

⁶ См.: Орлов С.Б., Чернышков Д.В. Мифологема «Сталин» как основополагающий фактор становления российской государственности // Свободная мысль, № 12, 2011, с. 73.

¹ См.: Тарасов А. Порождение реформ: бритоголовые, они же скинхеды. Новая фашистская молодежная субкультура в России // Свободная мысль, 2000, № 4, с. 40–54; он же. Экстремисты по вызову // Свободная мысль, 2003, № 7; Зубок Ю.А., Чупров В.И. Самоорганизация в проявлениях молодежного экстремизма // Социс, 2009, № 1, с. 78–90, и др.

² См.: Ростокинский А.В. Указ. соч., с. 59.

Созвучно этому и мнение А. Дугина, который считает, что современное российское общество руководствуется не логикой рационального, верифицированного, детерминистского, механистического подхода, но особым целостным взглядом на взаимосвязь основных процессов, на системы ценностных приоритетов — логикой мифа, где духовные и эмоциональные уровни важнее инструментально-материальной, узко рассудочной сферы¹.

Так, например, антирежимность и внесистемность оппозиционности «Другой России» делает ее борьбу с «путинским режимом» более приоритетной, чем отстаивание конкретной идеологии. В основе взглядов ее сторонников в целом лежит ярко выраженная антибуржуазная идеология (при этом данная партия имеет точки соприкосновения и с правым радикализмом — и только в этом ее отличие от большинства левых радикалов)².

3. Модель антиподов. При ее реализации делаются заявления, что «они (носители чужой/чуждой) идеологии — наша противоположность, то, чем нам не следует быть». Здесь на первый план выходит моральная оценка: «все, что для нас — зло, для них — добро и наоборот». Зачастую молодежные экстремистские организации противопоставляют себя государству (начиная с «Фракции Красной армии»³). Главное для них — это именно возможность влиять на политическую ситуацию путем асимметричного использования или угрозы насилия против населения или инфраструктуры. Суть такой асимметрии Е. Степанова видит в следующем: несравнимо более слабый по общему потенциалу и более низкий по статусу вооруженный негосударственный игрок относительно ограниченными средствами может добиться непропорционально и максимально широкого дестабилизационного эффекта, а также резонанса в конфронтации со своим главным противником — государством⁴. Еще бунтующие

европейские студенты 1960-х гг. говорили, что государство «носит в себе фашизм»⁵.

4. Расовая модель. Основа мировоззрения при данной модели: «чужие» принадлежат к иной расе — иному биологическому виду, и в политике высшая раса призвана управлять другими (концепция Ж. Гобино). Это наглядно демонстрируют многочисленные экстремистские материалы, например фильм «Россия с ножом в спине. Еврейский фашизм и геноцид русского народа», видеоролик «Казнь таджика и дагестанца» и даже музыкальные произведения (альбом «Музыка белых» группы *Order* и др.)⁶. Ультраправые радикалы от призывов и митингов периодически переходят к действиям: убийство ученого-антифашиста Н. Гиренко, покушение на А. Чубайса, резня в синагоге на Б. Бронной, ежегодные убийства африканских студентов и представителей этнических меньшинств⁷. Большинство экстремистских нападений молодежи спровоцированы идеями неонацизма и ксенофобии. Особенно активны в этом направлении Движение против нелегальной иммиграции, «Русское народное ополчение», «Русские», Санкт-Петербургские неформальные молодежные объединения «Славянский союз», «Славянская община» и др.

5. Пассеистская модель (от фр. *passee* — прошлое). В основе лежит идеализация прошлого. В качестве примера можно привести деятельность СКМ и АКМ. СКМ — это молодежное крыло КПРФ, некий аналог ВЛКСМ; Авангард коммунистической (красной) молодежи — леворадикальное движение во главе с Сергеем Удальцовым. АКМ одна из самых многочисленных радикальных молодежных организаций, которая призывает к свержению власти революционным путем и установлению коммунизма, возврату к СССР. В отличие от многих молодежных организаций, АКМ достаточно самостоятельна, а идеологическая составляющая в мотивации ее членов очень сильна. Это значительно облегчает мобилизацию: не

¹ См.: Дугин А. Новый Вавилон // Завтра, № 43, 2000.

² Становая Т. Молодежные организации в современной России // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/stan_mol.php.

³ Немецкая леворадикальная организация, действовавшая в 1968–1998 гг.

⁴ См.: Степанова Е. Терроризм как угроза критической инфраструктуре // Свободная мысль, 2010, № 4, с. 34.

⁵ Майнхоф У. От протеста к сопротивлению. Из литературного наследия городской партизанки. — М.: Гилея, 2004, с. 3.

⁶ См.: Список материалов, признанных российскими судами экстремистскими // <http://xepo.sova-center.ru/4DF39C9/8F8DBA0>

⁷ См.: Ультраправые радикалы в России: справочник. — М., 2006, с. 112.

требуется серьезных финансовых вливаний для мотивации молодежи. Задержание на митингах оппозиции становится своего рода личным подвигом.

6. Модель «естественного состояния» характерна для анархистских организаций, например МАО (Молодежная анархистская организация), существующей с 2003 г. Среди своих целей она провозглашает ликвидацию государства и всякой насаждаемой силой власти, «установление на всей Земле добровольных производственных и общественных союзов, артелей и коммун, с равной возможностью для каждого человека делать то, что он умеет и любит делать», а также воспитание Нового Человека, свободного от уродств неправильного воспитания и влияния государственной идеологии¹. Однако если эта организация выступает против насилия и призывает «ни в коем случае не взаимодействовать с государственными политическими организациями», то левые анархо-синдикалистские организации пропагандируют радикальные методы. Победа радикального крыла молодежного анархического движения в начале нулевых годов привела к тому, что идеи ненасилия и эволюционизма, поднимавшиеся первыми неонархистскими группами конца 1980-х гг., окончательно вышли из моды, а основными стали подходы «практического и теоретического экстремизма»². Поэтому подавляющее большинство современных анархистских организаций начали эксплуатировать коммунистическую и синдикалистскую доктрины, идею анархической революции и полного контроля над производством и потреблением. Так, А. Шубин определяет первую возрожденную анархическую организацию КАС (Конфедерация анархо-синдикалистов) как «неонародническую организацию», продолжателя бакунинской традиции «общинного социализма» (федерализма)³. Сегодня наиболее радикальное и активное крыло антиглобалистского движения составляют левые анархистские организации⁴.

7. Гетеротопическая модель основана

на утверждении, что «чужие» есть другой топос, другой мир. Хотя иногда признаются их достоинства и преимущества, выгодные для своей идеологии и политических целей. Как справедливо предостерегает Ю.Л. Бессмертный, «при этом не следует упускать из виду, что и каждый способ властвования, и политические феномены вообще имеют, наряду с индивидуальными и даже уникальными сторонами, и элементы повторяющегося и массового»⁵.

Представленная выше классификация является условной, поскольку экстремистской организации (группе, акции, поведению, мировоззрению) могут быть присущи как одна, так и несколько моделей, а также сочетание их элементов. Тем не менее в политико-идеологических взглядах членов экстремистских организаций, несмотря на все их разнообразие, даже иногда несовместимость, можно выявить некую общую мотивационную доминанту, которая, собственно, и позволяет говорить об «экстремистском сознании» как о своего рода идеальной модели. Такой мотивационной доминантой является вера в обладание высшей единственной истиной, уникальным рецептом «спасения» своего народа, социальной группы или всего человечества. Известный специалист по терроризму Б. Дженкинс считает, что «террористы могут рассматриваться как абсолютисты, как “истинно верующие”»⁶. Такая вера задает тип ценностных и поведенческих моделей экстремистских организаций.

Размытость, нечеткость взглядов членов большинства экстремистских молодежных организаций приводит к тому, что многие из них трудно отнести к какому-то одному типу. Так, например, многие скинхеды испытывали затруднение, когда их просили объяснить свое отношение к проповедуемым идеям и определить свое положение в политической иерархии⁷. «Коммунистов этих всех перерезать надо... Точно! Они с черными заодно, с неграми всякими. Они эти... как их... ну, типа

¹ Сайт МАО // <http://omao.narod.ru/mao1.html>

² Яшенко В. Бунт эпохи постмодерна // <http://www.avtonom.org/lib/theory/bunt.html>

³ Шубин А. Течение «общинного социализма» в неформальном движении 1986–1988 гг. // <http://history-futur.newmail.ru/VizovXXObshchina.html>

⁴ Азаров В. Миссия анархизма // http://azarov.net/02_th/mi_an.htm

⁵ Бессмертный Ю.Л. Указ. соч., с. 15.

⁶ Цит. по: Чурков Б.Г. Мотивационные и идейные основы современного терроризма // <http://psyfactor.org/lib/terror10.htm>

⁷ См.: Тарасов А. Порождение реформ: бритоголовые, они же скинхеды // Свободная мысль, 2000, № 5, с. 46–48.

транссексуалы... Интернационалисты!»¹ Это подтверждает тезис об их принадлежности к идеологизированной молодежной субкультуре, а не к радикальной политической организации. Их политическая неструктурированность и несформированность способствует тому, что некоторые праворадикальные и фашистские организации активно используют скинхедов как политический резерв.

Утверждению деполитизированных подходов к исследованию экстремизма во многом способствует и то обстоятельство, что массовое общественное сознание склонно воспринимать многие угрозы (особенно террористические) как проявление бессмысленного, иррационального, дисфункционального, безосновательного насилия, не имеющего под собой ни утилитарной, ни идеологической основы. Причина такого положения дел, по мнению многих европейских авторов, состоит в частом отсутствии объяснений актов террора и непонимании того, кто за ними стоит, в результате чего сама фигура экстремиста оказывается вырванной из дискурсивных условий². Соответственно, в общественном сознании возникают гипотезы о психотическом, бессловесном монстре и пр. Следуя этой логике, источники и носители этих угроз сами вывели себя за рамки политического поля, бросив ему вызов и отказавшись искать в нем свое место. Функции государства в этом случае сводятся к техническому наведению порядка с помощью полицейских методов, не требующих дополнительной легитимации в пространстве публичной политики³. Так, после теракта А. Брейвика полиция Норвегии в 2012 г. разработала систему поиска предполагаемых террористов, основанную на автоматическом отслеживании сообщений в социальных сетях.

Такую модель власти С. Жижек назвал ультраполитикой: она предусматривает милитаризацию политики посредством использования концепта войны между «нами» и «ими», «своими» и «чужими». Он же указал на то, что деполитизация не устраняет насилие, а, наоборот, часто при-

водит к его росту: «Отверженное политическое празднует свое триумфальное возвращение в наиболее архаической форме чистой, неразбавленной расистской ненависти»⁴. Эти рассуждения важны тем, что они обращаются к установлению логической связи между деполитизацией и ростом правонационалистических, ксенофобских и неофашистских настроений. По словам С. Жижек, времена постмодерна определяются пришествием деполитизированного чистого зла под маской чрезмерного этнического или религиозного насилия⁵.

Итак, в большинстве своем характер экстремистских настроений членов молодежных группировок базируется на создании модели «чужого», в целом определенной характером молодежной субкультуры, внешним политическим фоном. Политическая субкультура молодежи характеризуется, прежде всего, эмоциональным восприятием политической жизни, противоречивым многообразием политических интересов и поведения, политической неразборчивостью, высоким уровнем внушаемости, эклектичностью, т.е. механическим соединением разнородных политических взглядов, теорий и идейных направлений⁶.

Вообще можно предположить, что переход к демократии (или его симуляция) связан с новым типом политической субъективации — субъективизации не через сознание и идеологию, а через агрессию (деятельностную или вербальную, виртуальную), т.е. это тот тип субъективизации, который ранее находился под запретом. Его распространение в конце 1980-х — начале 1990-х гг. было связано с поколением, не осознававшим ценности свободы и демократии, а протесты начала 2010-х гг. идут уже от поколения, родившегося в новых условиях. Вместо прямого насилия, идущего со стороны власти, мы видим насилие, обращенное к ней. Оно идет от того поколения, которое избавилось от страха непосредственного политического участия.

¹ Там же, с. 47.

² Пример Дмитрия Виноградова (теракт 7 ноября 2012 г.).

³ См.: Макарычев А. Указ. соч., с.26.

⁴ Жижек С. Указ. соч., с.121.

⁵ Там же.

⁶ Дегальцева Е.А. Политическая социализация. — Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2009, с. 87.